

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	6
<i>Глава 1. Государственные преступления в XVIII веке</i>	9
<i>Глава 2. Самодержец и органы политического сыска</i>	55
<i>Глава 3. «Донести, где надлежит»</i>	101
<i>Глава 4. Опала и арест</i>	173
<i>Глава 5. «Русская Бастилия» на Заячьем острове</i>	215
<i>Глава 6. «Роспрос»</i>	257
<i>Глава 7. Розыск в застенке</i>	321
<i>Глава 8. Приговор</i>	375
<i>Глава 9. «Заутра казнь»</i>	409
<i>Глава 10. Тюрьма и ссылка</i>	455
<i>Вместо заключения</i>	514
<i>Библиография</i>	520
<i>Список сокращений</i>	532
<i>Аннотированный указатель</i>	533
<i>Послесловие автора</i>	619

ВВЕДЕНИЕ

История политического сыска как института по преимуществу внесудебного и незаконного преследования государственных (политических) преступников в XVIII веке еще не рассматривалась в таком объеме, как это предпринято в предлагаемой читателю монографии. Источниками данной работы являются многочисленные публикации материалов по политическому сыску в различных журналах и сборниках. Особое внимание мною уделено архивному материалу, ранее недостаточно введенному в научный оборот. Речь идет, прежде всего, о фондах (разрядах) 6 «Уголовные дела по государственным преступлениям» и 7 «Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция», а также других фондов Российского государственного архива древних актов.

Цель данного исследования отражена в его названии. Моя задача сводится к изучению различных аспектов этой важной в истории России темы. Во-первых, мне кажется важным проследить формирование и номенклатуру системы государственных (политических) преступлений. Во-вторых, нужно дать очерк эволюции органов политического сыска и уделить место их руководителям. В-третьих, в такой книге важно достаточно подробно рассмотреть «технологию» сыска, начиная с доноса (извета), ареста и кончая смертью или освобождением попавшего в политический сыск человека, который, выступая в роли изветчика, ответчика или свидетеля, проходит все этапы расследования. В-четвертых, кажется важным собрать, подчас по крупицам, сведения о том, как воспринимался политический сыск в русском обществе. Наконец, в-пятых, важнейшей, сквозной темой книги является тема «Самодержавие и политический сыск» — два исторических института, теснейшим образом связанных друг с другом.

Ассоциативная, да подчас и прямая связь между историческим прошлым и настоящим с роковой неизбежностью возникает

в сознании всех, кому за шестьдесят. Дьявол все время толкал автора под локоть: «Зачем ты пишешь, что каторжане при Екатерине II на Камчатке „жили довольно свободно“? Пиши проще — „жили расконвоированными“! Зачем пишешь „допрос по свежим следам“? Пиши смело: „Момент истины“!» и т. д. Но я все время держал себя в руках, не давал разыграться примитивным сравнениям и ненаучным фантазиям.

Конечно, я мог бы посвятить эту книгу всем доносчикам русской истории, без упорного, творческого труда которых эта книга вряд ли была бы написана. Не будем забывать, что с изветов начиналось 99,9% политических дел в России XVIII века. Поэтому я посвящаю эту книгу моим друзьям, коллегам, родным, в особенности моей жене Нине, которую я несколько лет безжалостно истязал рассказами об ужасах Тайной канцелярии и принуждал читать главы книги. С теплым чувством я вспоминаю и моих японских коллег из Славянского исследовательского центра Университета Хоккайдо (г. Саппоро, Япония). Там мне, получившему грант центра, посчастливилось провести девять месяцев в 1996–1997 годах. Вдали от России и ее проблем, в комфорте и покое, которые создают иностранным ученым гостеприимные хозяева, я и написал (по собранным за несколько предыдущих лет материалам) эту книгу. Признателен я также и рецензентам моей рукописи Е. А. Правиловой и П. В. Седову, коллегам по Отделу древней истории Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН, которые весной 1998 года на заседании Отдела обсудили мою рукопись и сделали важные замечания. Благодарен я и сотрудникам Российского государственного архива древних актов и, в первую очередь, заведующему читальным залом архива А. И. Гамаюнову, всем, кто словом и делом помогал мне в этой работе.

ГЛАВА

1

Государственные преступления в XVIII веке

Появление в русском праве понятия о государственных (политических) преступлениях относится к так называемой эпохе судебников конца XV — XVI веков, когда в целом сложился свод законов Московского государства. В научной литературе нет единого толкования статей и терминов законодательных памятников, в которых идет речь о государственных преступлениях. Однако бесспорно, что в статье 9-й Судебника 1497 года, как и в статье 61-й Судебника 1550 года, восходящих в своем происхождении к статье 7-й Псковской судной грамоты, перечислены наиболее тяжкие виды преступлений, которые потом стали относить к государственным. Люди, совершавшие их, называются «государский убойца», «коромольник», «церковный тать», «головной тать», «подымщик», «зажигалник», «градской здавец» и «подметчик». Всех их казнили¹.

Общепризнано в науке, что Соборное уложение 1649 года впервые отделило преступления против государя и государства (как его владения) от прочих тяжких преступлений. Государственным преступлениям посвящена целиком 2-я глава Уложения, хотя они упоминаются и в других главах этого кодекса. Во 2-й главе говорится, во-первых, о преступлениях против здоровья и жизни государя, во-вторых, об измене — преступлении против власти государя, которое заключалось в смене подданства, бегстве за рубеж, а также в связях с неприятелем в военное время или сдаче крепости врагу, а также в намерении это совершить («умысел»). В-третьих, как отдельный вид преступления выделен в Уложении «скоп и заговор». Историк права Г.Г. Тельберг не без оснований считал, что весь корпус государственных преступлений по Уложению сводится, в сущности, к двум их важнейшим видам, а именно — к посягательству на здоровье (жизнь) государя и к посягательству на его

¹ Российское законодательство 1985, т. 2: 55, 69, 108, 150.

власть. При этом к последнему виду преступлений относились самые различные деяния — от претензий на престол и помощи вторгшейся на территорию России армии иностранного государства до описки в документе с титулом государя¹.

Государственные преступления понимались прежде всего как преступления против *государя*, а потом уже против государства. Лишь к середине XVIII века стало более-менее отчетливо оформляться разделение понятий «государь» и «государство», на которое уже не смотрели как на вотчину государя². Трактовка государственных преступлений как наказуемых деяний, направленных преимущественно против *государя, его власти и его владений* в сочетании с исключительными полномочиями самодержца в решении дел о таких преступлениях, и породили то явление, которое принято называть «политическим сыском».

Законодательство о политических преступлениях Петровской эпохи было органичным продолжением права времен царя Алексея Михайловича. При этом нормы Уложения 1649 года были существенно дополнены рядом новых законов. Важнейшим из них является «Устав воинский» 1716 года, включавший в себя «Артикулы воинские и Краткое изображение процессов или судебных тяжб» 1715 года³. В этих документах уточнен корпус государственных преступлений и закреплены основы нового процессуального права, которые широко использовались в политическом сыске.

В число государственных преступлений вошли те деяния, которые ранее таковыми и не считались. В праве и публицистике появляются понятия: «интересы государственные», «интересы государственные и всего народа» и, соответственно этому, обнаруживаются нарушители этих интересов — «преступники и повредители интересов государственных с вымысла»⁴. Собственно, тогда и образовалось это понятие — «государственное преступление», которое юристы того времени трактовали весьма широко как нарушение «интересов государственных и всего народа».

¹ Тельберг 1912: 57–58.

² См.: Черная 1989.

³ См.: Бобровский 1881.

⁴ ПСЗ 1830, т. 5: № 2673.

В указе от 24 декабря 1714 года о таких преступлениях сказано обобщенно — это «все то, что вред и убыток государству приключить может»¹. Конкретно к государственным преступлениям стали относить различные проступки по службе, умышленное неправосудие, финансовые и иные преступления, обычно включаемые современными историками-юристами в рубрику «Преступления граждан против порядка управления». Естественно, что многие из этих деяний прямо не были связаны с преступлениями против государя и его власти.

25 августа и 23 октября 1713 года были изданы именные указы, принципиально важные для истории политического сыска. Авторы указа от 25 августа попытались отделить государственные преступления от частных («партикулярных прегрешений») чиновников. О последних уточнено: «...то есть в челобитчиковых делах взятки, и великие в народе обиды, и иные подобные тем дела, которые не касаются интересов Государственных и всего народа». Новое деление преступлений кажется весьма условным: ведь чиновники-взяточники, в принципе, ничем не отличаются от упомянутых там же «грабителей народа», чинящих «во всех делах неправды и тягости». И все же различия эти, по мысли законодателя, были. Государственное преступление состояло в нанесении ущерба не конкретному человеку, давшему чиновнику взятку, а всему государству, всему обществу. После указов 1713 года к государственным преступникам относили не только нарушителей 2-й главы Уложения, но и всех корыстных чиновников — «грабителей народа», совершавших «похищения лукавые государственной казны», а также казнокрадов, которые обирают народ, чинят ему «неправедные, бедственные, всенародные тягости». К таким преступникам относили и налоговых чиновников, судей, различных администраторов, словом — всех, кто делает «во всех государственных делах неправды и тягости»². Для таких преступников, называемых также в указах «хищниками интересу»³, закон установил весьма суровые наказания, поскольку, по мысли Петра I, чиновник-преступник наносит

¹ Воскресенский 1945: 211; ПСЗ 1830, т. 5: № 2871.

² ПСЗ 1830, т. 5: № 2673 и др.

³ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 6. Ч. 3. Л. 107.

государству ущерб несравненно больший, чем воин, изменивший государю на поле боя: «Сие преступление вяще измены, ибо, о измене уедава, остерегутца, а от сей не всякой остережется, но может зело глатко, под кровлею долго течение свое иметь и зло конец получить»¹.

Столь широкая трактовка понятия «государственное преступление» как подлежащего исключительной прерогативе государя вошла в противоречие с повседневной практикой. Государь оказался физически не в состоянии справиться с тем потоком дел о преступлениях, многие из которых стали теперь называться государственными и, следовательно, подлежали его исключительной компетенции. Поэтому уже в 1710-х годах проявилась тенденция хоть как-то выделить из чрезвычайно разросшейся массы государственных преступлений те, которые должны относиться к сфере ведения самодержца. В указе Сенату от 23 декабря 1713 года Петр потребовал «объявить все-народно: ежели кто напишет или скажет за собою „государево слово или дело“ и те б люди писали и сказывали в таких делах, которые касаютца о их государском здоровье и к высокомонаршеской чести, или уедава какой бунт и измену»². Так подчеркивалось намерение сохранить старый корпус государственных преступлений по Уложению. В указе от 25 января 1715 года корпус дел по преступлениям, которыми занимался государь, существенно сузили. Отныне прямо царю подавали изветы по трем «пунктам»: «1. О каком злом умысле против персоны его величества или измене. 2. О возмущении или бунте. 3. О похищении казны»³.

С 1715 года появились и маркирующие важнейшие государственные преступления термины. Если человек сказал «слово и дело *по первому пункту*»⁴, то речь шла о покушении на государя или об измене ему. По «*второму пункту*» надлежало хватать всех бунтовщиков и заговорщиков. Когда же в документах сыска встречается оборот «показал... о похищении интереса»

¹ Воскресенский 1945: 132.

² РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 6.

³ Воскресенский 1945: 364; ПСЗ 1830, т. 5: № 2887.

⁴ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 266. Ч. 1. Л. 109; Д. 5. Ч. 1. Л. 146 об.

или говорилось «о краже государственного интереса»¹, то это означает, что изветчик обвиняет кого-то в казнокрадстве или иных нарушениях материальных интересов государства, то есть в совершении преступления «по третьему пункту». Такие дела стали называться «интересными». Позже доношения «по третьему пункту» из-за несметного их числа и бесцеремонности толп доносчиков, рвавшихся на прием к царю, запретили. Их передали фискалам, а также в особые розыскные «мазорские» канцелярии.

Так оформилась самая общая классификация государственных преступлений. Петр уточнял ее в 1723 году, во время работы над указом «О форме суда», в котором к прежнему «набору» государственных преступлений прибавлены «слова противные на государя», то есть столь печально знаменитые оскорбляющие государя и его власть «непристойные слова»². Конечно, в практике политического сыска такие «непристойные», «злые», «непотребные» слова задолго до 1723 года рассматривались де-факто как преступление, но теперь они были включены в общий индекс главнейших преступлений де-юре.

Окончательно же классификация государственных преступлений уточнена в указе Анны Ивановны от 2 февраля 1730 года. В нем так сказано о преступлениях по «первым двум пунктам»: «1-й пункт. Ежели кто, каким умышлением учнет мыслить на наше императорское здоровье злое дело или персону и честь нашего величества, злыми и вредительными словами поносить. 2-й. О бунте или измене, сие разумеется: буде кто за кем подлинно уведает бунт или измену против нас или государства»³. А преступления против «казенного интереса» окончательно выведены из корпуса важнейших государственных преступлений. В таком виде определение важнейших государственных преступлений и сохранилось на весь XVIII век⁴.

Рассмотрим **виды государственных преступлений**. Как и в XVII веке, самыми важными преступлениями считались

¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5. Ч. 1. Л. 358 об.

² Воскресенский 1945: 395, 400.

³ Высочайший указ 1916: 531.

⁴ Проект Уголовного уложения 1882: 80.

покушения на жизнь и здоровье государя в форме физических, а также магических действий или умысла к этим действиям. Речь идет о разных способах нанесения ущерба здоровью государя — от убийства его до «порчи» с тем, чтобы лишить его дееспособности, подчинить волю государя себе с помощью чар, магических действий, предметов и снадобий. Так как угроза убийства монарха существовала потенциально всегда, а определить, насколько она реальна, можно было только при расследовании, то власти, при малейшем намеке на подобный умысел, хватали каждого подозрительного. 27 июня 1721 года во время празднования в Петербурге юбилея Полтавского сражения Петр I стоял в строю Преображенского полка как его полковник. И трижды к нему подходил пьяный крестьянин Максим Антонов. Когда фурьер Емельян Аракчеев попытался арестовать Антонова, тот начал яростно сопротивляться. В завязавшейся драке на поясе у него вдруг обнаружился нож. На допросе в Тайной канцелярии Антонов утверждал, что «давно ходит с ножом для употребления к пище» и что он к царю «спяна подошел... и поклонился, а умыслу у него [не было], и ни от кого не научен, чтоб какое к персоне е.ц.в. учинить дурно не было». Удалось установить, что Антонов — беглый помещичий крестьянин, что десять лет он не ходил к исповеди и что однажды его уже наказывали кнутом за участие в банде бурлаков, разбойничавших на Украине. В итоге его признали виновным и сослали в Сибирь «в вечную работу»¹.

Как отмечалось выше, многие высказывания людей рассматривались правом как выражение преступного намерения. Поэтому преступлением считалось, например, неопределенное «желательство смерти государевой»². Еще более страшным преступлением являлись разговоры о гипотетических покушениях на царственных особ. Достаточно было — в шутку, спяну, в виде ругательства — сказать о своем желании нанести физический вред государю, как это высказывание сразу же подпадало под действие законов о покушении на жизнь монарха. Все обстоятельства появления таких «непристойных слов» тщательно

¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 99. Л. 2–6.

² Устрялов 1859: 219.

расследовали. В 1703 году посадский Дмитрова Михаил Большаков тщетно пытался доказать в Преображенском приказе, что неблагожелательные слова, сказанные своему портному о «новоманирном» платье («кто это платье завел, того бы я повесил»), к царю Петру I никакого отношения не имеют: «Слово „повесить“ он молвил не к государеву лицу, а спроста, к немцам, потому что то-де платье завелось от немцев, к тому то он слово „повесить“ и молвил». Но эти объяснения не были приняты и Большакова сурово наказали¹.

В 1735 году солдат Иван Седов позволил себе глупую шутку, за которую его приговорили к смертной казни, но потом порол кнутом и сослали в Сибирь. Один из бывших в казарме солдат — однополчан Седова — рассказывал, как он, будучи на работе близ дворца, видел императрицу Анну Ивановну, которая на его глазах остановила проходившего мимо дворцовых окон посадского человека и пожаловала ему два рубля на новую шляпу — старая императрице почему-то не понравилась. Тут-то Седов, сидевший возле своей кровати, и сказал роковые слова: «Я бы ее с полаты (то есть с крыши. — Е. А.) кирпичем ушиб, лучше бы те деньги салдатам пожаловала!»²

Убеждение, что с помощью магии (порчи, привороты, сглаза) можно «испортить» *государя*, устойчиво жило в сознании людей XVIII века³. Они искренне верили, что Екатерина I с А. Д. Меншиковым Петра I «кореньем обвели», что сам Меншиков «мог узнавать мысли человека» и что мать Алексея Разумовского — старуха Разумиха — «ведьма кривая, обворожила» (в другом следственном деле — «приворотила») Елизавету Петровну к своему сыну Алексею Разумовскому⁴. В 1702 году помещик князь Игнатий Волконский был арестован по обвинению в убийстве двух своих крестьян. Оказалось, что он «вынув [у них] сердце, с травами делал водку и хотел водкой напоить» царя и тем «его испортить»⁵. В 1737 году расследовалось дело

¹ Есипов 1863а, т. 2: 170–171.

² РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 281. Л. 10.

³ Из истории русских суеверий 1910: 221; Максимов 1994.

⁴ Доношение 1860: 21; Шебальский 1861: 449; РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 7. Ч. 3. Л. 356; Д. 2041. Л. 11 об.

⁵ РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Д. 5. Л. 52 об., 90, 700–701.

о хождении по рукам «волшебной» тетради с заговором «О любви царем и властью»¹.

Борьба с магией как видом государственного преступления опиралась на нормы Соборного уложения и Артикула воинского. Эти законы определяли как строго наказуемые три разновидности таких преступлений. Во-первых, преследовалось всякое колдовство (чародейство, ведовство, чернокнижие), а также заговоры своего оружия, намерение и попытки с помощью «чародейства» нанести кому-либо вред. Во-вторых, наказания подлежали богохульники, говорившие «непристойные слова», надругавшиеся над христианскими святынями или совершавшие хулиганские действия в церкви. В-третьих, политический сыск пресекал совращение православных в язычество, раскол и вероотступничество.

Рассмотрев группу преступлений о покушениях на здоровье и жизнь государя, перейдем к *покушениям на власть самодержца*, которые назывались «изменой». Петровская эпоха во многом изменила традиционное отношение к загранице и связям с нею, сделала русское общество более открытым. Но парадокс состоял в том, что это открытие страны не означало исчезновения из русского права старого понятия «измены». Во-первых, сохранился военно-государственный смысл измены как побега к врагу или содействия противнику на войне, равно как и намерения совершить эти преступления. В Артикуле воинском говорится не только о преступной переписке и переговорах с врагами, выдаче им военных секретов, но и об умысле «измену или сему подобное учинить». Умысел этот рассматривался так же, как прямой акт измены, — «яко бы за произведенное самое действо»². Во-вторых, при Петре государственная измена рассматривалась как «преступление против подданства». Иначе говоря, изменой считалось намерение выйти из подданства русского царя.

В источниках есть два толкования термина «измена». Согласно одному из них, переход в иное подданство связан с изъятием из подданства русского государя части его территории.

¹ Покровский 1987: 241.

² Российское законодательство 1986, т. 4: 350–351.

Эта измена, ведшая к потере земель, называлась «*большой изменой*» или «великим государственным делом»¹. Поступок гетмана Мазепы, перешедшего на сторону шведов в 1708 году, являлся с точки зрения русского права актом «большой измены». Состав его преступления — в том, что он умыслил лишить русского государя права владения части государевых земель (на Украине).

Рядом с «большой изменой» стояла «*измена партикулярная*». Под этим термином подразумевалось намерение конкретного подданного российского государя просить или принять подданство другого государства, а также побег русского подданного за границу или его нежелание вернуться в Россию. При Петре I Россия оказалась открыта только «внутри», исключительно для иностранцев. В отношении же свободного выезда русских за границу, а тем более — эмиграции, никаких изменений (в сравнении с XVII веком) не произошло. Безусловно, царь всячески поощрял поездки своих подданных на учебу, по торговым делам, но при этом русский человек, как и раньше, мог оказаться за границей только по воле государя. Иной, то есть несанкционированный верховной властью, выезд за границу по-прежнему рассматривался как измена. Пожалуй, исключение делалось только для приграничной торговли, но и в этом случае временный отъезд купца за границу России по делам коммерции без разрешения власти карался кнутом. Прочим же нарушителям границы грозила смертная казнь. Оставаться за границей без особого указа государя также запрещалось.

К измене вел не только самовольный переход границы, но и вполне невинная деловая или родственная переписка с корреспондентами за границей. В 1736 году расследовали дело о ярославских подьячих братьях Иконниковых, которые, «умысля воровски и не хотя доброхотствовать их и. в. и всему государству, изменнически отпустили отца своего Михаила з женою ево и их матерью, и з детьми их в другое государство за рубеж, в Польшу, и с ним списыватца, ис чего может приключитца государству вред и всенародное возмущение»².

¹ ПСЗ 1830, т. 4: № 1792.

² РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 272. Ч. 2. Л. 244 об.